



Polylogos. 2013-2019

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 4 Volume 2. 2018

Anthropological meanings of nihilism - from model I.S. Turgenev to the "real nihilists" Alexander Bogdanov and Pavel Florensky

A. Bezmenshchikov

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240*

I. Shcherbatova

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240*

Abstract

In this article, nihilism is viewed from two conceptually disproportionate positions: as a negative frame of mind, correlated with European history, and as an essential factor involved in the emergence of a special anthropological type, called the “real nihilist” in the work. The latter, in principle, does not reduce to the phenomenon of negativism, it carries complex existential meanings, including positive ones. His first abstract model was created by I.S. Turgenev in the form of Bazarov. Based on the analysis of the heuristic potential of this model, its artistic fate and historical and philosophical significance, it is proposed to reconstruct the genesis of existential conflicts and the axiological structure of the anthropological and social projection of embodied “real nihilists” - A.A. Bogdanov and P.A. Florensky. The authors focus on the focus of projective research data thinkers around the metaphysical core of European civilization - an emancipated individuality. This feature is not harmless in its philosophical and humanistic explications and not accidental for the type of "real nihilist." Based on these and other assumptions, the authors conclude that the “real nihilist”, embodied in the era of catastrophes, paradoxically comes into inevitable

conflict with nihilism as a frame of mind and nihilism as the will to power by any means. The ascetic ministry of the “real nihilist” to truth is given both by the possibility of an ambivalent attitude towards humanism, and the fatal inevitability of his death.

Keywords list (en): nihilism, empirio-monism, Marxism, social projection, Alexander Bogdanov, Ivan Turgenev, Pavel Florensky

Date of publication: 31.12.2018

Citation link:

Bezmenshchikov A., Shcherbatova I. Anthropological meanings of nihilism - from model I.S. Turgenev to the "real nihilists" Alexander Bogdanov and Pavel Florensky // Polylogos. 2018. V. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000068-6-1/> (circulation date: 18.06.2019).

¹ *«Мы не телесные черты будем обрисовывать, но сделаем очертание мыслей невидимой души и покажем незримую борьбу и сокровенные подвиги»* Феодорит Кирский

² **I**

³ Если юбилей И.С. Тургенева спровоцировал заслуженное внимание философского цеха к его наследию, то явно нетипичное празднование в том же, 2018, году юбилея А.А. Богданова, напротив, в значительной мере является следствием возрастающего научного интереса к этой уникальной личности, несправедливо вычеркнутой из истории и философии нашей страны на многие десятилетия. Это неслучайное совпадение философского внимания не единственное, что может соединить двух выдающихся представителей русской мысли. Очевидно, что Тургенев находится в самом начале титанических сдвигов, приведших в результате к социалистической революции, служению которой посвятил свою жизнь Богданов. Тургенев создал наполненный сложнейшими смыслами образ «нового человека», которому предстоит участвовать в разрушении старого мира; Богданов же по сути и стал реальным воплощением такого человека. На Тургеневе собственно заканчивается в России эпоха гегелевского апологетического отношения к общественному мироустройству, трагическое исчезновение которого писатель предвидел; Богданов же работал в координатах критически настроенной по отношению к исторически сложившемуся миропорядку научной диалектики, стремившейся обосновать и встроить в саму ткань эволюционного развития общества негативное отношение к наличной действительности, имеющее корень в такой диалектической категории развития, как противоречие. Оба по-разному

представляли ту силу, которая победит старый, несправедливый, мир и создаст новую цивилизацию. Пожалуй, наибольшее расхождение их позиций можно было бы обнаружить во взглядах на будущую культуру. Но все же их объединяла мечта, что преобразующая мир сила будет иметь гуманистические цели.

4 Таким образом, в этом условно замкнутом историческом отрезке, от предсказания «нового человека» до цикла его свершений в конкретном воплощении, философский интерес, в первую очередь, представляет предугаданное Тургеневым появление нового человеческого типа, по приметам и наитию обрисованного им в то время, когда его сроки еще не пришли – когда лишь готовились условия для него, и себя обнаруживали только отдельные его признаки, конечно, запаздывая, как и все в России. В значительной степени интерес этот укрепляется возможностью в исторической перспективе сравнить умозрительную модель, основанную на интуиции, с реальными акторами «нового дела».

5 Зафиксированное Тургеневым во второй половине 1850-х гг. в России отрицательное умонастроение было не случайным эпизодом в системе противоборства ценностей, но по-особому в особых условиях себя проявившим существенным элементом рожденного европейским модерном человеческого типа. Недаром Д.И. Писарев выразил уверенность в том, что базаровщину теперь не остановить, «как холеру»¹, имея в виду возраставшую насущность «отрицательного направления».

6 Нигилистическое умонастроение составляет существенную методологическую основу любой теории революции, вне дискурса негации невозможно объяснить, как минимум, метафизику русской революции. С.Л. Франк на основе печального российского опыта пришел к необходимости создать философию нигилизма, а интенсивное самовоспроизводство этого «умонастроения» в течение небольшого исторического отрезка заставляло его вновь и вновь возвращаться к этой теме, уже в поздних работах связывая это с общеевропейской проблемой гибели гуманизма. Можно сказать, что в своем анализе Франк касался самого гребня открыто разгоревшегося конфликта того, что мы будем называть далее «вообще нигилизмом» или просто «нигилизмом», тем самым отличая от предмета нашего исследования, и отрицаемого им несовершенства жизни. Последнее слишком часто оказывается живой и даже сущностной частью жизни, тогда как отрицание в нигилизме не имеет собственной определенной формы, и потому эта негация заведомо безгранична, как стихия. А всякая стихия человеку слепо враждебна, ибо не может его понять.

7 Отрицательное направление мысли, предваряющее стихию нигилизма, Тургенев считывает как крайне опасное, разрушительное и одновременно

притягательное для человека и общества. В нарождающемся же нигилизме он предполагает конфликт метафизики индивидуализма и позитивного научно-технического развития цивилизации, обладающего собственными имманентными целям. Этот конфликт, по его убеждению, в отличие от нигилистического умонастроения, может развиваться и как-то разрешаться, лишь уходя в глубины конкретной экзистенции и рождая «нового человека»², не радикала, не вымышленного нигилиста вообще и не беса, а настоящую нигилистически пересотворенную личность, ищущую пути к созиданию.

⁸ Тургеневский текст, воплотивший все антропологические интуиции и опасения автора, положил начало раскрытию смыслов, заложенных в понятии нигилизм. Новое поколение примет на себя предельно жертвенный терроризм, заключавший всю голую ненависть к старому миру, какой обладает нигилизм. И лишь второе поколение «новых людей» заново откроет масштаб и ключевой характер объективного социально-антропологического строительства на развалинах старого мира. Здесь можно встретить таких антропологических экспериментаторов и проектеров, как Александр Александрович Богданов и Павел Александрович Флоренский. Оба они – по-своему участники революционных метаморфоз, люди, вложившие свою лепту в фундамент искомого нового мира. Их мыслительные горизонты различны, но в данной статье поставлена задача показать, что они не просто соучастники гибели старого мира, начало конца которого увидел Тургенев, но и соединены определенной исторической преемственностью с его моделью нигилиста.

⁹ Тургенев первым, находясь еще в самом истоке явления, предлагает роман-исследование, где создаваемая им модель еще свободна от исторического будущего, еще свободна от конкретно актуализированных ее потенциалов (в отличие, например, от Достоевского). Однако логика развития судьбы героя романа предсказывает грядущее преодоление нигилиста-аскета и террористического нигилизма нигилистом-мыслителем и его проектами, в которых теория и практика, философия и наука встретятся; и встретятся именно в том горизонте антропологического активизма, которым первый реальный нигилист (мы будем называть так далее конкретного нигилистического перерожденного и совершенно особым образом преобразованного «нового человека»), Базаров, и начинает.

¹⁰ В ряду возможных реальных продолжателей фигура Богданова чрезвычайно символична: мыслитель-практик преодолевает родовую черту нигилизма – вульгарный материализм, сосредотачиваясь на теории организованного опыта, позволяющей анализировать и направлять динамику развития естественной и социальной действительности. Это требовало большего, чем могла дать философия и даже научная диалектика, и на определенном этапе своего творческого развития «Богданов разочаровался в философии вообще и почувствовал необходимость в метатеории,

претендующей на подоснову современной ему науки»³. Для Флоренского характерен культовый, не марксистский активизм; в нем он становится очень близок, но никогда не отождествляется, с монизмом, в том числе Богданова. И там и тут нет прерывов между миром и познавательным опытом, познанием, нет никакого разрыва между материальным и психическим/духовным, есть почти актуальное единство – и оно также энергетическое, хотя Флоренский понимает этот образ более философски, чем научно, в отличие от Богданова. Но и негация тут просматривается более четко: Флоренский явно и недвусмысленно высказывается против индивидуальности как ядра и центра культуры, истории и прочее, он предлагает видеть лес за деревьями, он также верит в коллективную организацию, хотя ее онтологические основы представляются ему несколько иначе: это – бытийный родовой слой реальности, где уже выражены все активные и пассивные черты конкретных индивидов.

11 Задача исследования заключается в том, чтобы в едином поле приложения почти вековой российской интеллектуальной истории выявить концептуально взаимосвязанные подходы или символические аналогии, обнаруживающие определенное единоначалие рассматриваемых героев. Логическая прямая от базаровского нигилизма, до тотального, универсального нигилизма большевиков – очевидна. В движении от нигилистических максим революционных демократов, прозвучавших в интерпретации Тургенева, негативизм, трансформируясь во времени, воплощался в особые философии «общего дела», в которых гуманистическая составляющая либо мутировала до крайности, либо пропадала из виду, при этом новые герои сохраняли коренное качество «нового человека» – амбивалентность. Для исследователя же особый интерес представляет реконструкция антропологического единства этой преемственности, действительно, простой лишь на первый взгляд.

12 Базовый методологический прием, который авторы статьи, надеясь на эвристическую значимость их предположений и построений, собираются произвести - это дистинкция в смыслообразе «нигилизма» на основе сохраняющей стихийный характер или проходящий определенный генезис формообразования его внутренней негативной пружины – «негации». С этой целью в первой части статьи будет подробно проанализирован т.н. «базаровский нигилизм»: в этом художественном построении и за ним авторы постараются открыть реального нигилиста как особый тип личности, отчасти найденный Тургеневым в его современниках, но по большей части мысленно сконструированный и отнесенный в возможное (хотя и не бывшее желательным для самого романиста) будущее. В таком исследовательском подходе нет ничего методологически недопустимого: общим местом историко-философских работ является исследование романтизма на фигуре, к примеру, Чайльда Гарольда, а русского экзистенциализма – на героях Ф.М. Достоевского.

13 Напомним, что все началось с безобидного (в смысле голословного) нигилизма Базарова, критически открывавшего для российского читателя проблему так называемых «новых людей», под которыми имелись в виду революционные демократы. Многие говорили в пользу того, что это художественный портрет Николая Добролюбова и что Тургенев воспроизводит диалоги редакции журнала «Современник», возглавлявшегося тогда Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским, идеологами демократического движения. Все это в целом так и есть: с его легкой руки сформировалось, возможно, и небесспорное допущение, что революционный демократ, нигилист и «новый человек» – синонимы. В свою очередь «новый человек» – это разночинец-шестидесятник, выражавший радикальные взгляды не только на социальную политику, но и религию, культуру, философию и эстетику.

14 Фантом нигилизма, скандально оглашенный разночинцем Евгением Базаровым, материализовался, эмансипировал и без особого труда стал успешным оппонентом и гуманизму и идеализму, имея в активе все те же инструменты: вульгарный материализм, атеизм, непримиримость к любым проявлениям дворянской или буржуазной культуры. Негативное действие у самого героя-нигилиста не могло осуществиться: не позволяли условия романа-эксперимента, задачи писателя были иными, да и не было еще исторического опыта. Потому весь новооткрытый писателем нигилизм заключен в недрах самого героя-одиночки, со- и противопоставленного автором другим героям, почти всюду и все им проигрывающего за неспособностью выиграть у них хоть что-то, но именно это в целом и дает возможность показать максимум потенциалов «обновленного человека».

15 Изображая нигилизм провокативно, Тургенев развернул революционно-демократическую идеологию как программу отрицания, но его интуиции оказались несоизмеримо глубже, мыслимые им перспективы – парадоксальнее, выводы – непредсказуемее. Можно сказать, что Тургенев как художник-мыслитель прозрел явление нигилизма, чрезвычайно объемное и диалектичное в своих потенциальных смыслах, поэтому не со статей талантливой Н.А. Добролюбова, а именно с романа «Отцы и дети» ведет начало русский нигилизм, быстро преодолевший рамки художественного вымысла. В этом переносе жанров сказывается феномен своего рода блуждающей актуальности, на что указал британский теоретик литературы Терри Иглтон, заметив, что люди могут рассматривать одно произведение как философское или историческое в одном веке и как литературное в другом⁴. Ли Трепанье предлагает изменить ракурс и вообще рассматривать роман «Отцы и дети» как «философскую работу, которая обладает литературными элементами»⁵.

16 Сегодня нигилизм Тургенева не просто содержательно сложная рефлексия, а положительное описание отрицательного смысла, в ней самой заложен внутренний конфликт. Непосредственно «базаровский» нигилизм, по

определению Н.А. Бердяева, эмансипационный по своей внутренней сути, раскрывает лишь один, поверхностный, пласт, где преобладает интенция прямого действия – негативная. В этом веющим по незащищенной поверхности мироздания нигилизме, нигилизме вообще – с его стихийной негацией – все, дорогое для Тургенева, рожденное чистым, созерцательным, бездейственным в прямом и практическом смысле восхищением, сочувствием перед искусством, человеком и природой в их гармоническом единстве, поэтапно десакрализировывалось, лишалось значения и смысла в позитивистски понимаемой и организуемой жизни. Как правило, об этом не вспоминается и не ставится в логическую связь, когда рассматривается проект монопролетарской культуры А.А. Богданова, в котором непоправимо редуцируется и просто низвергается эстетизм допролетарской эпохи культурой в новом, инструменталистском понимании. Точно также не очевидно смысловое взаимодействие между политически детерминированными трактовками эстетики и «отрицанием культуры, как единого во времени и в пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры»⁶ у П.А. Флоренского.

17 На наш взгляд, было бы ошибкой утверждать как будто бы очевидное – что Тургенев изобразил «технический момент» поступательного развития, а именно момент смены устаревших форм на нечто более прогрессивное. В том-то и дело, что в его системе ценностей, системе ценностей старого либерала, нигилизм никак не соизмерялся с чем-то прогрессивным. Анализируя это явление, Тургенев смог выйти за рамки сословных предрассудков и посмотреть на ситуацию со стороны: на следующем уровне художественно-философского углубления роман поднимает вопрос о соотношении сословных и общечеловеческих ценностей. Это был далеко не дежурный спор: смысл происходивших процессов Тургенев совершенно справедливо оценивал как *распад дворянской культуры*, понимая, в то же время, что именно дворянская и никакая иная культура транслирует общечеловеческие ценности.

18 «Новые люди», адепты неприемлемой для Тургенева формы революционности, исключавшей конформизм и предлагавшей классовое понимание гуманизма, были, тем не менее, ему интересны. Не изменяя идеалам либерализма, Тургенев понимал, что эти идеалы дискредитированы соглашательством, а либеральное представление о будущем размыто, неясно и лишено положительной и приемлемой сущности. Очевидно и то, что идеал Базарова лежит не в политико-правовом поле прав и свобод, а в горизонте восприятия цивилизации. Единодушное мнение критики на этот счет выразила Амброуз: «Хотя их отказ от искусства был отвратителен для Тургенева, “новые люди” также увлекали его тем, что Ричард Фролборн назвал “бессмысленной смелостью и жесткостью ума”. Берлин отмечает, что Тургенев хотел бы “присоединиться к прогрессистам”, но не смог принять их жестокое презрение

к цивилизации»⁷. Видя культурный примитивизм демократических критиков, Тургенев не мог представить, что они способны перестраивать мир на свой размер.

19 Но если мы говорим о *тургеновской модели нигилиста*, то в ней уже заложено несколько взаимоисключающих смыслов: прямой вызов нигилиста анализируется писателем, не только не принимающим нигилизм, понимающим его губительные последствия для человека и общества, но осознающим его привлекательность для личности и даже прозревающим возможные превращения нигилизма в свою противоположность. Явственный, не нуждающийся в особых доказательствах положительный потенциал самого героя, явное расположение к нему автора, ворота в ад в последний момент заменяются на ворота в чистилище. И не Базаров уже, а реальный революционер-мыслитель получает второй шанс.

20 Эта диалектика и обуславливает актуальный научно-культурный интерес именно к модели нигилиста, предложенной Тургеневым, в отличие от исторического интереса к нигилизму условно Добролюбова. Не сразу обнаружилось, что феномен базаровщины изначально не был лишь художественной сатирико-реалистической интерпретацией крайнего социально-политического критицизма или персонального нигилизма – этот образ скрывал в себе значительно более универсальную и потенциально насыщенную мыслительную конструкцию. Именно поэтому тургеновский нигилизм смог стать философски и эвристически более значимым понятием, чем нигилизм шестидесятников.

21 В стремительно развивавшемся тогда смысловом конфликте с миром, тяжбы с ним и ценностной борьбы всего отрицательного направления мысли проявилось нечто принципиально новое – революция, которую можно было предугадать, но нельзя было предвидеть, ибо то была революция в недрах конкретных личностей. Отрицание эта революция принимала как единственный метод взаимодействия с прежней реальностью. Все силы теоретического и практического утверждения, методологически не скомпрометированного, она направляла на открывшуюся ей новую подлинность, не зависимую от истории и частного мнения, безупречно объективную и одновременно полностью открытую методическому воздействию. Отрицание в ней не было расфокусировано, напротив, оно было нацелено на ключевые звенья старого мира – язык, личность или социальную группу.

22 Так священник Павел Флоренский вдруг отказывает конкретно человеческому, в котором вообще может быть грех в какой-либо онтологической значимости. Первично в «Столпе» он лишь разделяет индивидуальность как самость (греховный меон) и личность (духоносное бытие), позже – и чем дальше тем сильнее эта тенденция – он поэтапно откажет

индивидуальности, взятой самобытийно, в каком-либо онтологическом статусе. Его подобная оригеновскому апокатастасису теория Софии как некого творения до творения, некого символично-энергетического посредника между трансцендентным и имманентным, недоверие к индивидуальному, у которого не может быть, с его точки зрения подлинного естества.

²³ Именно эту, не предвиденную, революцию в недрах человека Тургенев и исследовал, дав ей и ее, в первую очередь, антропологическим последствиям имя «нигилизм». Интуитивно схваченный и смоделированный Тургеневым реальный нигилист обнаруживал себя как бы в точке перелома исторически обусловленного, отрицательного направления мысли, как в России, где не только тотальность всех необходимых преобразований давно назрела, но и тотальность их отсутствия породила новые формы ментальности и коверкала существующие, по крайней мере, в ментально и интеллектуально активной среде, так и в Европе, уже пережившей, как очарование Мировым Духом и романтическим героем, так и разочарование в них, и даже в их бюргерско-буржуазных приемниках и антиподах. В этом переломе, где проявил себя теоретический и практический нигилизм, обозначился провал, обрыв, прерыв преемственности и провал онтологической и антропологической регулярности.

²⁴ Эта же особенность Базарова как героя романа-исследования, т.е. как антропологически нацеленной мыслительной конструкции Тургенева, а не как художественного, обремененного конкретно-историческими аллюзиями персонажа, дала ему возможность пережить себя и свое время, ибо нигилизм стал фактором истории, развив собственные методы и формы и предъявив на историю свои права. Можно предположить, что спустя десятилетия после издания романа в практицизме, развивавшемся равно, как в русском марксизме, так и в философии нового религиозного сознания, на основах, в первую очередь, антропологического редукционизма и негативизма, нигилизм как революция в самых недрах конкретной человеческой личности, жил и питал новые формы – от эмпириомонизма Богданова до социального утопизма Флоренского.

²⁵ Настоящую трудность методологического аспекта данного исследования составляет раскрытие, естественно, далеко не общей, но и не всегда единично особенной негативной тенденции мысли. Несомненно, в методический план входит и поиск этой тенденции в каждом случае, и беглый анализ ее роли в конкретной системе взглядов применительно к антропологической проблематике. С другой стороны, методология должна учесть исходный исследовательский характер самой модели «нового человека», выразителя отрицательного умонастроения, и соответственно результаты этого исследования, самые общие и принципиальные. В то же время взятый нами за точку отсчета тургеневский нигилизм – это событие, которое уже произошло, но еще никак вовне не проявилось, поэтому в содержательном

плане это скорее отрицательная по целевому пафосу модель, сотканная из интуиций, прозрений и, главное, опасений писателя.

26 Следовательно, и методология наша должна быть, насколько это позволительно, ориентирована словами Феодорита Кирского, вынесенными в эпиграф статьи: «Мы не телесные черты будем обрисовывать, но сделаем очертание мыслей невидимой души и покажем незримую борьбу и сокровенные подвиги»⁸. Именно так мы попытаемся рассмотреть наших персонажей. В очертании их мыслей мы будем угадывать невидимый нигилизм и покажем борьбу и их подвиги в аспекте отрицания. Перед нами предстанет не идейное единство трех персонажей, один из которых выдуманный, а сложное их подобие.

27 В методологических целях мы абсолютизируем антропологический ракурс позиции автора «Отцов и детей». Этим измерением Тургенев задает собственно исходную, мыслительную матрицу, направленную не на тип, не на множество и даже не на конкретного современника, а на человека как такового, на человеческое в его индивидуальной жизненной силе, в рожденной единичной воле. Этот уровень предполагает моделирование личности, создание своего рода конструкта, зашифрованного в образе. Но конструктивное здесь, разумеется, ведомо интуитивным: конец 50-х годов XIX в., близость эмансипации народа, проявление, яркое и агрессивное, обновленных людей должны были в предлагаемой и предполагаемой антропологической перспективе, спровоцировать интуицию Тургенева. Моделирование на сегодняшний день представляет довольно распространенный метод в кроссдисциплинарных гуманитарных исследованиях. Илья Клайгер, например, в методологическом подходе также выделяет возможные «функции индивида в реалистической фантастике», а также допускает, что различные персонажи могут служить «моделями для наших собственных мыслей и чувств»⁹.

28 В предыдущей статье, посвященной проблеме трансформации базаровского нигилизма, авторы подчеркивали то обстоятельство, что т.н. негативное направление мысли должно было питаться из мировоззренческого кризиса, что происхождение нигилизма связано с острым ощущением изжитости общественных идеалов и ценностей»¹⁰. Вынужденное бездействие личности в условиях сужения мыслительного и практического горизонтов, бессмысленность и обреченность попыток что-то изменить, чувство предательства самого себя, своих возможностей и надежд, своей могущей быть полезной для отчизны и людей будущего, своих идеалов – все это с неизбежностью оседало и накапливалось, в каждом молодом поколении составляя все более фундаментальную основу мирозерцания, а именно созерцательного, отвлеченного от деятельных и жизненно необходимых преобразовательных задач взгляда на российскую действительность в ее незыблемости, преемственности и особой, ей всегда грезившейся, святости.

Данность такого созерцания должно было углублять кризис молодой личности до кризиса экзистенциального.

29 И тогда задача переустройства, обновления – задача, всегда существующая в дискуссионном и масштабно-социальном поле, – неизбежно бы, так или иначе, проявилась, преодолела бы и диалектическую форму, в ней обнаружилась бы единственная пружина, которая будучи всегда антитетической к данности и положенности опыта, оказалась бы ядром единственного, последнего переживания действительности. Эта пружина – негация, полностью исключила бы какую-либо культурно-историческую, идеологическую и прочую преемственность и ассимиляцию и стала в таком случае единственным способом (и методом) взаимодействия с данной человеку неподлинной в его сложившемся мирозерцании и противодействующей его активному мировоззрению действительностью. Рождение такого человека или, иначе, преобразование в нем всего его человеческого существа значило бы его внутреннюю революцию – *нигилизм* – принимающую лишь *негацию* (полное и безоговорочное отрицание) как единственный метод взаимодействия, как метод борьбы с действительностью.

30 Как уже говорилось, герой Тургенева, «отвергая старые слова и правила, стремился довериться первично-материальному, социально не затронутому и, следовательно, не оскверненному тотальным лицемерием – ощущению, факту, фатализму детерминации, позитивной простоте»¹¹. С другой стороны, известный славист, профессор Йельского университета Катерина Кларк, рассуждая о поиске интенционально чистых оснований при строительстве социалистического общества, также акцентирует смысл на первоначальной чистоте средств: «Многим из тех, кто в 1910-е и 1920-е годы искал культуру, которая могла бы преобразить общество, нужны были наиболее чистые и подлинные средства – наиболее чистое движение, звук, язык или организация пространства»¹².

31 Иными словами, вырисовывается закономерность: нигилизм, отражающий стремление к последней, очищенной от прошлых заблуждений, ошибок, обмана, истине, в наиболее ярких формах проявляется именно в эпоху кризиса, в эпоху борьбы со «старым миром», когда необходимо было озвучить манифест нового мира, когда «новым людям», представлявшим интересы нового класса, важно было донести до общества весть о смене ценностей. Так было в начале 1860-х, когда обозначилась социальная мобильность разночинцев, так было в начале 1900-х гг., когда с бесцеремонностью гегемона заявили о себе низшие слои общества.

32 Разумеется, *реальный нигилизм*, даже понимаемый как внутренняя революция в конкретной личности, должен быть совместим с настоящей практической деятельностью, настоящей жизнью и творчеством, т.е. со всем

тем, что не может существовать по законам полного нигилизма. А значит, в отличие от тургеневского художественного эксперимента, реальная негация должна иметь конкретный предмет, должна быть сфокусирована на ключевой ячейке предполагаемого подлинного бытия. Реальный нигилизм, всегда имеющий экзистенциальную и личностную природу, должен получить свободу из недр личности, из недр личной – аскетической или гедонистической (но в обоих случаях саморазрушительной) личностной реакции. Чтобы явиться в мир и обратиться в действие, нигилизм должен обратиться не к механически и продуктивно идеальной жизни Природы, бесконечной и безразличной, но к подлинному бытию, настроенному диалогически, диалогически активному, то есть имеющему лицо, лик и собственный голос, а это, с точки зрения организованно-трудовой социальной действительности, либо – передовой класс, и тогда мы говорим о Богданове, или – Бог в облике вечной тварной реальности Софии, в случае Флоренского.

33 Человеческий мир соткан из людей, и, когда внешний мир сопротивляется твоему воздействию, твоей идеальной его картине, это сопротивляются люди, людские жизни. Когда же в лоне негативного направления, имеющего осознанные цели в старом мире – цели борьбы с насилием, неравенством, эксплуатацией и в принципе любой им воспринимаемой формой дегуманизации, рождается нигилизм и нигилист, возникает неизбежный парадокс их дальнейшей исторической судьбы и роли.

34 Внутренне обновленный революцией своего нигилизма человек сохраняет в своем сознании и в своей риторике, подчас в упрощенном, но всегда недвусмысленном виде гуманистические ценности, ибо его обращение адресовано все тем же людям все того же старого мира, и он переводит свое послание на их язык. Однако подлинный диалог он свершает на ином языке и для другого слушателя, и поскольку новый мир также может быть лишь человеческим – одиночка (аскет или террорист) должен стать проповедником, мыслителем и прожектором.

35 В этом случае подкрепленное логикой любой революции происходило снятие гуманистической оболочки с человеческого материала в условиях продолжавшейся в той или иной форме гуманистически направленной риторики или теории: пелена человеческого должна была быть снята вместе с пеленой старого мира. Подобное псевдо-гуманистическое разрушение старого мира чревато возвращением в исходное состояние. Соответственно, возникает задача нового оформления, которое, возможно, не удастся получить естественным, полным абберраций, путем, и тогда необходимо продумать новый, непременно научный, и даже во много евристический способ. Здесь будет работать новая рациональность гуманности – для нового разума нового гуманоида.

37 Социалистический активизм в России, напряженно и жертвенно искавший скрытые от глаз большинства очаги сознательного и подлинно общественного отношения к жизни и воспринявший все возможные формы самообмана от народничества до терроризма, оказался, пожалуй, самой благоприятной почвой для научного и философского переосмысления всей социально-исторической действительности, разработанного в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Активистам социалистического движения отныне необходимо было стать не только борцами, но и учеными и мыслителями. Одним из самых оригинальных ученых-борцов пролетарской революции был Александр Александрович Богданов. Каковы же были скрытые в историческом русле первых трех десятилетий XX века его, Богданова, очертание мыслей, незримая борьба и сокровенные подвиги невидимой души? Как идеолог пролетарской культуры, никогда не будучи нигилистом в обычном и общем смысле слова, может по-своему раскрывать глубину и реалистичность тургеневских интуиций?

38 Основной и решающий поворот в судьбе Богданова случается еще в его студенческие годы – от знакомства с политэкономией Маркса до опыта толкования учения о прибавочной стоимости в рабочей среде тульских заводов, воплотившегося в 1897 г. в издании «Краткого курса экономической науки». Этот поворот Богданова от народовольческого движения к марксизму, скоро и восторженно поддержанный Лениным, уже содержал в готовом виде все базовые элементы его научной будущности, первой целью которой стало организационной оформлением большевизма. Среди этих элементов следует выделить интересующие нас в первую очередь – это наукообразность и наукоемкость марксистской теории социума и истории, которые в большей мере притягивали начинающего мыслителя, но также и тот не отвлеченный, а прямо вовлекавший юного борца в поток подлинной действительности характер этого учения.

39 Собственный его психический и умственный, а также нравственный, склад проявится позже, однако именно здесь следует подозревать то внешне неприметное откровение онтологического характера – откровение подлинного бытия, которое и необходимо *типу реального нигилиста*. Это откровение конкретной души в ее естественном сложении, но инспирированное марксизмом: каково это подлинное бытие, что ему открылось и так влекло его самого, в чем была настоящая жизнь и с чего являлся передовой исторический класс? Подлинность этого бытия, которое открывается «реальному нигилисту», будь то Воля, Деятельность или София, заключается, в первую очередь, в его спасительном характере: это его откровение переломляет экзистенциальный кризис, одновременно и собственный и унаследованный (полученный) от среды и цивилизации, во внутреннюю революцию, не возможную до того – не

возможную без истины. Как известно, «Богданов понимал социальный материализм Маркса как философию практики, практически действующего человека. Он говорил следующее: «Маркс был тем мыслителем, который впервые сумел понять и исследовать социальную сущность человека». В общих чертах эмпириомонизм Богданова основывался на идеях Маркса»¹³. В социальном материализме Маркса за дихотомией субъекта и объекта, человеческой практики и материального мира (как поля приложения этой практики) не могло не открываться то подлинное бытие деятельности, лишь в котором человек приближался к своему естеству, лишь в русле которого социальная история по-настоящему прогрессировала – и которое станет для Богданова единственным возможным горизонтом человеческого социалистического преобразования на путях именно его, подлинного бытия-деятельности, познания и организации. Последние, как и всякое другое познание подлинности, преобразят людей, сделают их готовыми к исторически неизбежному образованию последнего социального класса пролетариата будущего, но это направление поисков Богданова оформится позже. Пока, на рубеже веков, молодой работник научного социализма видит свою задачу, задачу интеллигента, проще: сочинением «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1898) он стремится воспитать широту интересов рабочих в области общего мировоззрения и удовлетворить их.

40 Однако уже первое десятилетие XX века открыло неизмеримую доселе глубину человеческой деятельности – труда, творчества и даже революционной борьбы. Научно-техническая революция и первая российская революция подталкивают Богданова, торопят его: мир ускоряется, знания и практики углубляются, чаяния и требования различных слоев общества радикализируются. Но всё это служит лишь большей атомизации, дезинтеграции и ответной «агрессии» как мирового, так и российского общества. Ибо все это происходит в буржуазных условиях труда и сознания – в условиях возрастающих индивидуалистических и эгоистических тенденций антропологической эволюции, жестко обусловленной социальной средой. В главной своей работе этого периода «Эмпириомонизме» (1904-1906) Богданов стремится решить подготовительную теоретическую задачу, без которой, как ему кажется, невозможно и научно-социалистическое строительство внутри всех открывавшихся недр подлинного бытия. Его основная задача – найти познавательные «формы бесконечно широкие и прочные, но и бесконечно пластичные, чтобы охватить и свободно совместить такое содержание в его непрерывном развитии; нужны формы бесконечно сложные и в то же время бесконечно гармоничные, чтобы в них без противоречий уложилось все разнообразие этой беспредельно прогрессирующей жизни»¹⁴.

41 Научный социализм оказывался для такой задачи недостаточным, он становился лишь научно обоснованной социально-исторической программой,

доказывавшей неизбежность общечеловеческого спасения, дававшего прогноз многолетней классовой борьбы за него и увлекавшего в новые, партийные ее формы все новых добровольцев. Марксизм как методологическое обобщение науки XIX века не только начинал заметно устаревать с научной (по меньшей мере, естественнонаучной) точки зрения, но и не имел научно разработанных выходов к кипучей жизни века двадцатого – теории опыта и теории его организации. И если учение о всеобщих закономерностях и принципах включения разрозненной эмпирии в телеологически осознанный поток подлинного бытия-деятельности еще предстоял (даже сама идея будет ясно высказана Богдановым лишь в фантастическом романе 1912 г. «Инженер Мэнни»), то теория опыта была задачей насущной.

42 Для ее решения он преодолел философскую – материализм – и научную – конфликтное сочетание механицизма и эволюционизма, характерное для науки XIX в. – инерцию марксизма, выбрав такие теоретико-философские и методологические принципы, которые явно расходились с ортодоксальным и ленинским марксизмом, но не противоречили его интуиции подлинности. Наоборот, они служили ей как орудия ее дальнейшего откровения. Базис социальной эволюции – научно-технический прогресс требовал на современном этапе критического анализа своей антропогенной природы. Эпистемологическая задача естественнонаучного объяснения всех явлений окружающей действительности и объяснения, доступного всякому развитому человеку будущего, требовала планомерного научного исследования законов человеческой психики, формирования познавательных актов и речевых понятийных конструкций. Этим занялся второй позитивизм, в котором особенно привлекла Богданова философия Э. Маха. В ней эпистемологически исходными элементами признавались нейтральные элементы опыта, не физические и не психические, тогда как все положения и понятия физики представляли собой «не что иное, как сокращенные указания на экономически упорядоченные, готовые для применения данные опыта»¹⁵.

43 Мах говорил о мнимости вещных и индивидуальных сущностей: «Распространение анализа наших переживаний вплоть до “элементов”...представляет для нас главным образом ту выгодную сторону, что обе проблемы – проблема “непознаваемой” вещи и проблема в такой же мере “не поддающегося исследованию” Я... могут быть легко распознаны как проблемы мнимые»¹⁶. Однако присутствовавший в его философии крен в сторону сенсуализма линии Локка-Беркли («Вещи даны нам как “сравнительно устойчивые комплексы связанных друг с другом, зависящих друг от друга чувственных ощущений»¹⁷), дававший себя знать в представлениях Маха о реальности вещей, не мог удовлетворять философского поиска Богданова. Его привлекал философский монизм, который смог отразить в себе человеческий и социально-исторический аспект подлинного бытия, человеческое в нем

измерение, которое будет очищено новейшим естественнонаучным позитивизмом. Дорогу к монистическому пониманию общественной жизни и развития Богданову указал Вильгельм Оствальд в своем натурфилософском монизме и представлении о «энергетическом императиве» культурного движения.

44 Русский эмпириомонист, вступивший на этой почве в длительный и закончившийся его изгнанием из рядов партии конфликт с большевизмом, полагал, что понял истинное значение и историческое место социальной теории Маркса. Ее значение заключалось не в распространении материалистически переработанной диалектики Гегеля на анализ общественных процессов, и место ее было не в историко-философском ряду учений. Это была первая веха в универсальной методологии миропонимания, ее первая, начальная, ступень, в которой Маркс дал анализ экзистенциальной трагедии в человеческой истории и указал на спасительное, в ней же и по ее же законам рождающееся. Он дал наитие о подлинном бытии и начало научного изучения его антропомерной природы. Теперь же предстояла следующая веха, в которой диалектическое учение Маркса и Энгельса должно было обогатиться инструментами для универсализации своей методологии, ибо на глазах современников рождался новый тип цивилизации. Универсальность метода в мышлении Богданова была связана с найденной им универсальностью и едино-единственностью предмета: познание и опыт, наука и социальный класс, весь мир и вся жизнь должны были быть поняты и после организованы в соответствии со своей монистической природой, со своей устремленностью к трудовой самоорганизации в подлинном бытии-деятельности.

45 В отличие от прежних своих трудов, в первую очередь просветительского характера, в «Эмпириомонизме» его автор впервые научно подступил к настоящему объекту своего социалистического прожектерства – пролетариату. Предваряет авторскую попытку описания единой познавательной картины мира повествование о трагическом разделении и отчуждении в области познавательных стратегий миро-отношения, но рецепт исцеления, даваемый автором, чрезвычайно примечателен: он заключается в активной гармонизации опыта. Богданов пишет: «Дуализм опыта и познания начинается не там, где существуют два типа организации опыта, но там, где тот и другой тип не находятся в организованном соотношении, т.е. не объединены гармонически... в опыте и познании дуализм получается в том случае, если индивидуально-организованный опыт перестает быть нераздельной частью опыта социально-организованного, если первый складывается в самостоятельные формы, независимые от форм второго, не приспособленные к ним гармонически, словом, если “психическое” превращается в особый мир со своими собственными категориями и законами, не образующими органического единства с категориями и законами “физического”... Выход из этого

дуалистического положения возможен только в том случае, если произойдет систематическое приспособление опыта индивидуально-организованного к организованному социально, так что первый найдет себе место в объединяющих формах второго»¹⁸. В партийно-идеологическом плане это значило начало культурно-просветительского бунта автора против быстро догматизировавшегося партийного марксизма, ограниченного, по Богданову, в своем мировоззрении буржуазной (наличной) средой и проистекающей лишь из конфликта с ней идеей классовой борьбы.

⁴⁶ Можно сказать, что марксизм Ленина и Г.В. Плеханова, имевший внешне узнаваемые формы нигилизма, не был таковым по собственной, рассматриваемой в этой статье, реальности нигилизма: они вложили свои жизни в служение лишь идеям, в пропаганду теории, в осуществление прямо происходивших из нее выводов, причем любой ценой. Истинная идея, выросшая из длительной истории европейской философии, для Плеханова и власть как последнее основание активизма в деле мировой революции для Ленина – вот что было последней чертой их служения. Подлинное бытие – основа всего творческого и преобразующего стремления, всей телеологии аскетического подвига – им не открылось. Плеханов изучал и пропагандировал марксизм, Ленин его использовал. Богданов же обнаружил в нем первое откровение и посвятил свою жизнь написанию второго.

⁴⁷ В нем пролетариат лишь обнаруживал себя в процессе научно-технического и промышленного развития буржуазного строя. Его передовой характер заключался в интенсивности обращения, соучастия в деятельном, практическом бытии и уровне самоорганизации этого участия. Борьба же его, хотя и не могла раствориться в историческом и реальном планах, не могла, единожды начавшись, согласно с научным предсказанием Маркса, прекратиться, была лишь формой вынужденного средой социально-исторического антагонизма и едва ли отражала содержание истинной и предстоящей борьбы. Сам пролетариат был ее первым настоящим воплощением, и в этом его общечеловеческое значение. Он был воплощением того, как развитие и углубление масштабов труда на основе коллективного, интенсивного и регулярного соучастия в деятельности преобразует человеческое миро-отношение в соответствии с природой подлинного в активное, монистическое и социально-трудовое. В этом соучастии, а вовсе не в борьбе с внешними, отстающими в своем прогрессивно-историческом развитии силами капитализма, заключалась роль и задача пролетариата – в первом и неизбежно растущим вместе с наукой и промышленностью очаге гармонизации опыта: растворении дуализма психического и физического, снятии антагонизма индивидуального и социального.

⁴⁸ Здесь вновь проявляются черты реального нигилиста, рождающегося словно по тургеневским лекалам – актуализирующего его мыслительную

конструкцию в самой ее сердцевине и одной из потенций развития. Фокус творческого активизма нигилиста-мыслителя неизбежно направляется на самостоятельность индивидуального бытия, его пресловутую самозаконность. В «Эмпириомонизме» у Богданова эта тенденция лишь зачиналась. Единый мир опыта означал необходимость единого мира познания, гармонизирующего этот опыт: «Эмпириомонизм возможен только потому, что познание активно гармонизирует опыт, устрняя его бесчисленные противоречия, создавая для него всеобщие организующие формы, заменяя первичный хаотический мир элементов производным, упорядоченным миром отношений»¹⁹.

49 Но единство опыта как методологическое требование превосходит более слабое социально-историческое требование трудовой и промышленной группировки людей и превосходит даже рефлексии коллективизации заводского труда. Это несоответствие не только понятийное, вызванное переходом Богданова от диалектического материализма к историческому монизму субъективно-идеалистического толка. За представлением русского последователя Маха и Р. Авенариуса о том, что законы природы представляют собой только человеческие методы ориентировки в потоке опыта, «изменяющиеся сообразно с практическими потребностями»²⁰, т.е. о том, что онтологически значимое взаимодействие (в пределе – гармония) происходит лишь между первичным единым человекогенным материалом (опытом) и подлинным бытием (деятельностью) через регулярный многоаспектный (психический, социальный и т.д.) «подбор», стояло жесткое методологическое требование к антропологической реальности.

50 Последним его основанием был «принцип энергетики» – универсальный и контрреалистический (номиналистический). Богданов вводил его следующим образом: «Понятие “энергии” служит познанию для того, чтобы представить все явления как соизмеримые. Оно слагается из двух элементов: во-первых, представление об измеримости всех явлений – все явления рассматриваются как “величины”; во-вторых, представление об их всеобщей эквивалентности – признается, что в непрерывной смене явлений одни замещаются другими сообразно определенным и постоянным количественным отношениям. Таково содержание этого понятия, выработанное в сфере “естественных наук” научным синтезом и научной критикой»²¹.

51 Его антропологическое требование заключалось в том, чтобы понимать подлинную природу человеческого через диалектику опыта (качества) и энергии (количество), на языке которой может быть отрефлексировано, а потом и организовано единство активного, сознательного и целерационального соучастия человеческого начала в подвижной и прогрессивной самоорганизации мировой среды (в подлинном бытии-деятельности). Но это требование, не способное, разумеется, повредить ни теоретически, ни практически конкретности, индивидуальности человека как актора, выросло до

утверждения онтологической значимости лишь едино-единственного социума-коллектива.

52 Выходило, что единой и конкретно-единственной целерациональной и трудовой воле последнего обязана своей целостной наличностью система законов природы, актуальных на данном этапе научно-промышленного, человеко-деятельного охвата среды. Именно стратегии достижения единой воли единого человеческого организма в его единой деятельной (трудовой) сущности посвящена основная часть дальнейшего философского и просветительского творчества Богданова. Здесь проявится весь мощный потенциал его рационализаторского ума и здесь же даст себя знать нравственное смущение перед лицом преждевременных катастрофических изменений – перед лицом настоящего и будущего страдания, казалось бы, онтологически незначимых и соответственно аксиологически незримых телесно-психических (домонистических) человеческих индивидуальностей. После первой русской революции, в которой теоретик «социализма чистого разума»²². принимал участие в составе петербургской большевистской военно-технической группы – на передовой повсеместно разразившейся политической и террористической борьбы за каждую проснувшуюся от сна капитализма и царизма человеческую душу, за каждого сознательного слушателя, последователя и борца, – к Богданову приходит житейская зрелость и вместе с ней реалистическое мировосприятие. Оно не лишено пессимизма. К. Маркс был прав: пролетариат восточной Европы не созрел – и это вывод, рожденный как с теоретической необходимостью, ибо не развилась капиталистическая среда «подбора» передового класса, так и с эмпирической неизбежностью, ибо таким, неготовым, неорганизованным, полным «фетишей» буржуазной культуры, показал себя российский пролетариат в этой революции. Какова же дальнейшая его судьба в неумолимой цивилизационной динамике начала XX века? – Будут ли это предсказанные Марксом десятилетия гражданской войны?

53 В романе-утопии «Красная звезд» (1908) Богданов писал, подтверждая сегодняшнюю репутацию пророка в своем отечестве: «Вопрос о социальной революции становится очень неопределенным: предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное — с сомнительным и неустойчивым исходом. Господствующие классы, опираясь на армию и высокую военную технику, в некоторых случаях могут нанести восставшему пролетариату такое истребительное поражение, которое в целых обширных государствах на десятки лет отбросит назад дело борьбы за социализм; и примеры подобного рода уже бывали в летописях Земли. Затем отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже

докапиталистического мира. Борясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят все свои усилия, чтобы разрушить эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения и найдут среди социалистических наций достаточно союзников, готовых на всякое правительство, из числа прежних собственников, крупных и мелких. Результат этих столкновений трудно предугадать. Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм»²³.

54 Ученый не согласен смириться со столь реалистическим преддверием социалистической утопии. И как очевидно, основной вопрос здесь не в жертвах, хотя и невозможно представить, чтобы настоящего мыслителя, не одержимого патологической волей к власти, могло не коснуться естественное для человека сопереживание страданию и гибели людей, умноженное, в данном случае, на сознание непродуктивного (бессмысленного) их характера. Основной же для Богданова вопрос был связан с осознанием, определившемся в опыте наблюдения и понимания людей, противоречия и даже несовместимости открывшегося ему впервые в учении Маркса спасительного заступа социальной эволюции в освобождающую саму человеческую природу подлинность и обусловленной внешними по отношению к этому причинами классовой войны.

55 В конечном счете, последняя всегда служит дезорганизации – хаосу, в котором разрушаются сложенные социальной эволюцией отношения или – что не менее ужасно – деградируют до наименее развитых отношений. В грядущем 1917 году он еще напишет по этому поводу в письме к А.В. Луначарскому: «Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихоходным кораблем и пр. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче – солдатская есть объективно просто – солдатская. И паразитально, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле»²⁴ – останавливается научное познание и культурное самопознание человечества, прекращается восходящее в совершенстве инструментально-понятийная и промышленно-техническая организация опыта. Замирает антропологическое перерождение, возможное только в труде – не только системообразующем политико-экономическом и социокультурном способе вхождения в подлинное, но и вообще единственной возможной среде этого перерождения.

56 Некритически воспринятой идеи классовой борьбы Богданов вновь противопоставляет просветительство и абсолютизацию роли науки. «Если

старая наука – наука классового господства, то пролетариат должен противодействовать этому влиянию своей собственной наукой, как средством для революционной борьбы. Он должен это сделать, говорит Богданов, не только после социальной революции, но до революции, и для того, чтобы свергнуть старый порядок. Это значит не просто принять буржуазную науку, которая часто осуществляет развращающее и смягчающее влияние, и которая в любом случае есть темный адвокат. Пролетариату нужна пролетарская наука», – так говорилось о Богданове в изданной в 1921 г. в Лондоне книге²⁵, авторы которой отнесли Богданова к самым интересным теоретикам Пролеткульта.

⁵⁷ Действительно, он не нигилист какого-то общего расхожего образца. В организованных им культурно-революционных школах для рабочих на Капри и в Болонье читаются лекции по истории литературы (Горький), истории философии (Луначарский), экономике (Богданов), истории России (Покровский). Для пробуждения и развития естественно-научной организации познавательных сил разума в бывшем заводском рабочем, а ныне партийном активисте, должен быть вложен конкретный культурно-исторический материал. В отличие от интеллигента, по мысли Богданова, этот коллективистски организованный разум, хотя и страдающий пока что культурной бессодержательностью и культурно-фетишистской же зависимостью от буржуазной (сформированной по индивидуалистическим законам) среды, обладает всеми потенциями к быстрой фильтрации накопленных достижений человеческой культуры. И даже больше: именно его, пролетария, во всех подробностях еще незримое развитие и создаст основания и логику для последней оценки и отбора в будущем культурных и исторических ценностей человечества в соответствии с открывающейся и освобождающейся природой человеческого.

⁵⁸ Впрочем, на данном этапе он видел и непосредственно-практические задачи своей просветительской деятельности. В 1909 г. на совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий» он заявит о них прямо: «Я знаю, что в России есть много рабочих, обладающих большим знанием, но не систематизированным, благодаря чему они не могут играть в партии той роли, которую могли бы играть. У нас же все одни и те же лица. Мы топчемся на пятачке. Это невыносимое положение. Нам надо освежить силы. И вот вопрос о партийном университете есть таким образом вопрос момента. Я предсказываю, что если школа осуществится, то состав руководящего центра будет иной. Это будет большим завоеванием и освежит атмосферу. Это будут партийные рабочие»²⁶.

⁵⁹ Реакция партийной верхушки была предсказуема, ее озвучил Л.Б. Каменев: «Цели, которые ставят себе инициаторы школы, – это освежение верхов партии и этого собрания. Максимов хочет через Капри освежить фракцию элементами, которые будут поддерживать т. Максимова. Он надеется

извергнуть нас через год – мы же теперь извергаем те элементы, с которыми вместе в политическом отношении идти не можем» (там же. Максимов – одна из партийных кличек Богданова)²⁷.

⁶⁰ Выдвинутые Богдановым в 1910 г. лозунги «пролетарской культуры» и «социализма в настоящем» были отвергнуты даже ближайшими соратниками по литературно-пропагандистской группе «Вперед». Видимое им подлинное, алкаемое им начало перерождения человечества в среде его исторически передового класса – перерождения, которое и есть самая цель, единственная цель всего социально-исторического процесса, как эволюционного, так и революционного, не значили ничего для подавляющего большинства марксистов. Исключение составляли, быть может, лишь Луначарский и М. Горький, но их космизм и пантеизм «богостроительства» оставались чужды Богданову.

⁶¹ Проявлялся обрисованный некогда Ф. Ницше парадокс: реальный нигилист, аскетически отдающий свой творческий потенциал мироотрицанию и служащий предвещающей спасение Подлинности, во всякой своей личности всегда безжалостной к самостоятельности индивидуального бытия, оказывался в сущностном конфликте с тем нигилистическим индивидуализмом, который стал «судьбой Европы» (согласно Ницше и О. Шпенглеру) и который мог, как оказалось, оборачиваться в личину догматически мыслившего социального радикализма. Реальный нигилист потому и был в самой своей сущности аскетом, аскетом европейской цивилизации, что восставал на самую ее сердцевину – эмансипированную индивидуальность – в самом себе.

⁶² Проблема освобождения человека исходно понималась Богдановым как проблема «перемены труда». Его количественное и качественное разделение, узкая специализация и прикованность человека к производству одного вида продуктов рассматривались еще утопическими социалистами, начиная с Ш. Фурье, как причины экзистенциального тупика буржуазно-капиталистической цивилизации. Труд замыкался на рынке, деятель – на собственных примитивных потребностях. Но машинное производство с его возрастающей требовательностью в квалификации непосредственного деятеля и образованием социально-производственных конгломератов (промышленных заводов) стало в глазах Маркса, Энгельса и Богданова базисом возможной и жизненно необходимой всесторонней подвижности труда²⁸. «Общество, освобожденное от пут капиталистического производства», вырастит «новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца»²⁹.

⁶³ С подобных умозаключений Энгельса должно было начинаться идейное строительство социалистического типа знания. Его основной организационный

принцип, по Богданову, – это отсутствие монополии на принятие решений, обеспечиваемое универсальным научно-техническим знанием каждого работника и, таким образом, способностью широких слоев трудящихся компетентно судить о технических проектах. Важно здесь было не только неизменное расширение этих и других подобных ему принципов, нашедших свое место во «всеобщей организационной науке» тектологии (1922), в аспекте культурно-просветительском, получившим новое дыхание после революции 1917 г. в форме Пролеткульта. В годы деятельности последнего Богданов кристаллизовал в ясной формуле свое инструменталистское понимание культуры: цель науки в создании плана завоевания природы, искусство же – это орудие социальной организации людей³⁰.

⁶⁴ Важным было то, что во всех подробностях будущего социалистического строительства, которым посвящены философские работы последнего десятилетия жизни ученого, за исследованиями индивидуальной трудовой мобильности и универсальности, личной и творческой развитости, стоял все тот же, уже органицистски углубленный, образ коллективной человеческой единицы, в которую по естественной и необходимой тенденции собирал себя перерождающийся человек труда, науки и идеала. Этому человека влекла к коллективности воли неумолимая естественнонаучно постигаемая целесообразность коллективной организации творчески-трудовых сил. Как ни странно, даже на фоне великого множества утопических проектов первых социалистических лет «его утопия оставалась одной из социальных гармоний, вытесняющих классовую ненависть»³¹. Его наука и наукой организованный труд, а трудом организованное как единое предприятие общество, во всяком моменте его собственной, глубоко отрефлексированной коллективистски и монистически отрегулированным разумом эмпирии, доказывали ему его собственный, не отделимый от человеческого единства, прогресс.

⁶⁵ Часто этот прогресс, обрисованный в общих теоретических чертах еще Марксом, сталкивался с реальным развитием европейской цивилизации. Например, нетоварный идеал социализма, полученный некогда в теории из анализа противоречий раннего капитализма и антибуржуазных настроений пролетариата и закономерно встроенный в богдановскую версию развития марксизма, не прошел испытания временем уже к началу XX века. Западный капитализм оказался способен снять остроту исходных конфликтов, вовлечь пролетариат на более равноправных условиях, как в производство, так и в нарождавшееся общество потребления.

⁶⁶ Не упущенный из виду Богдановым этот факт, особенно явно проявивший себя в годы Первой Мировой войны, однако не был способен повлиять на тектологические конструкции зрелого мыслителя. Они уже не происходили из XIX века и вообще не были научно-исторически соотнесены с каким-либо этапом социального развития: всеобщая организационная наука,

наука о человеческом – коллективном – этапе организации деятельности требовала будущего изъятия всех элементов, сколько-нибудь способных к разделению внутри самоорганизующегося единства и единичности человечества.

67 Окончательно осознанные после Первой Мировой войны и революции 1917 г. культурная несамостоятельность и историческая неготовность реального пролетариата должны были быть исправлены, с точки зрения Богданова, в ходе длительного догоняющего развития рабочего класса.

68 В «Тектологии» у этого развития появляется своеобразная и подробно разработанная нравственная (рационально-нравственная) цель. Здесь он исследует сознательно-товарищеские начала пролетарской организации познания и производства. В универсализированном им научно-организованном труде он выявляет, как, вслед за умалением созерцательной тенденции индивидуализированной психики и развитием мышления и практики, направленных на решение непосредственных задач техники, хозяйства и быта, происходит сплочение отдельных человекозвеньев. Речь идет о простейшем типе «цепной связи» как тектологического обобщения «ассоциации по сходству»³².

69 Это – начальная фаза, первичный и фундаментальный элемент идеальной коллективной психологической совместимости и полного взаимопонимания людей. В подобном товариществе будет решен старый вопрос философии о необходимости и свободе: сознание коллективного закономерно и планомерно преобразующего мир труда станет коллективным сознанием. В нем будут взаимополагать и взаимообосновывать себя гармония, достигаемая непрерывающимся познанием и человекомерной организацией подлинного бытия, и благо, им даруемое – полное сознание каждым элементом коллективного организма высшей ступени его человеческой свободы (природы) в реализации высшей необходимости преобразования всей мировой деятельности из хаотической в разумную.

70 Еще одна сторона социально-исторического антагонизма – «противоречие между непосредственно-эгоистическими устремлениями и непосредственно-социальными»³³ – не давала себя забыть. В условиях растущей мощи европейской цивилизации открывалась новая причина обреченности буржуазной эгоистически-индивидуалистической цивилизации: бесчеловечный фетишизм отвлеченной истины, отвлеченного от общественно-трудового процесса поиска научных знаний дало возможность современной науке стать главной причиной небывалого масштаба, длительности и разрушительности Мировой войны. «Невиданное торжество математических, физических и химических формул – идеальная точность расчета в истреблении миллионов людей»³⁴ – вот цена созерцательной отвлеченности.

71 Но и активистская сосредоточенность в классовой борьбе также все более явственно принимала после Октябрьской революции искаженные формы. К тому времени Богданов уже отказался от примата классовой борьбы и еще в первой половине 1917 г. полемизировал с Лениным, отстаивая мысль о «“неоправданном максимализме” курса на социалистическую революцию в России»³⁵. «Богданов стал противопоставлять завоеванию власти пролетариатом его “культурное вызревание” в рамках буржуазно-демократического строя. Он надеялся, что “организационное мышление”, распространившись на рабочий класс, а затем на другие слои общества, разрушит “фетиши авторитарно-индивидуалистического сознания” и станет основой единения общечеловеческого коллектива в условиях атомной эпохи, регулирующей силой, способной найти механизмы предотвращения “безумно-истребительных столкновений”, в которые увлекают народы экономические стихии».

72 Его рационалистическое абстрагирование из настоящего исторического процесса действующих революционных сил и их интересов на пороге великого российского социалистического эксперимента возвращалось к нему, подпитываемое нравственными проблемами, в виде почти что контрреволюционных идей. К концу его жизни утопия не спешила сбываться, в то время как антиутопия начинала угрожать той социалистической мечте, которой он отдал свою жизнь. Вероятно, ему стало ясно, что его видение марксизма, его прозрения о перерождении человечества могут быть поняты лишь в грядущем – лишь пролетариатом, который найдет в себе организационные потенции преодолеть долгий и мучительный переходный период. Его Богданов уже предсказывал: «В революционные эпохи особенно часто и особенно ярко выступает процесс преобразования организаций с зародышевой агрессией, в виде едва заметной авторитарности, в организации вполне выраженной эгрессии, строгой авторитарности, дисциплины, “твердой власти”»³⁶.

73 Среди многих обнаружившихся борцов и идеологов «нового мира» необходимо было рождение своеобразных гениев, способных дать новое оправдание человека, помочь ему преодолеть его безличие. Однако пришли ли они вовремя?

74 Они явились в то время, когда максимализм и нетерпение захватили очищенное от прежних нравственных запретов сознание, в котором общество редуцировалось до социальной базы для научного (или псевдонаучного) эксперимента; цели были заменены лозунгами, а гуманизм (какой бы то ни было) – чистой и простой до неопределенности идеей народного счастья. Но разве не знает мировая история, что с идеи универсального и простого счастья, берет начало самая холодная, расчетливая и неумолимая из цивилизационных форм ненависти к людям? И это станет не только средой их проективной деятельности, но и той конечной, все более, как им кажется, контрпродуктивно

организованной силой, которая не только окажет им сопротивление, но и уничтожит их.

⁷⁵ Известно, что нигилист Базаров не вышел победителем из задуманного Тургеневым сюжета, можно сказать, не по вине автора. Забегая вперед, заметим, что и Богданов, личность титанического масштаба, человек редкой цельности, марксист в существе своем, не смог создать убедительную модель светлого будущего народа также не по вине Маркса. Как и Флоренский не получил исторической возможности пустить энергию по кровотоку нового государственного и коллективного культа, который дал бы истинное основание для оправдания человеческого бытия, поскольку с него бы началась целеоосмысленная деятельность по восстановлению человеческого космоса. Случайно ли, что тургеневская модель русского нигилизма начала 1860-х, также как и позитивистский проект эмпириомонизма (начало 1900-х гг.) А.А. Богданова в равной степени оказались утопичны? В России вопрос был сформулирован еще в XIX веке: можно ли строить новое общество на отрицании?³⁷.

⁷⁶ Таким образом утопизм нигилистических социо-антрологических проектов не заключается в их нежизнеспособной негуманности или антигуманистичности; самая глубокая причина утопии заключается всего лишь в том просто факте, что ни на какой полной и абсолютной негации любой, даже самой малой, подлинно человеческие черты, подлинно человекогенного элемента бытия построить нельзя. В абсолютной негации нет энергии, и чтобы таковую извлекать из нее, нужно позволять сознательно или нет, скрыто или открыто ей где-то быть, где-то реализовывать себя (иными словами: отрицать можно только реальное, только то, что есть, сопротивляться и противодействовать в себе и мире можно только настоящему). На последнем построены были многие идеологии, поиски врагов, ведьм, предателей – и то была иллюзионистская копия подлинного факта. Всякая негация человеческого, как и активистская ее форма – нигилизм, может быть ядром лишь самообманного бытия.

Remarks:

1. *Писарев Д.И.* Базаров. URL: [>>>>](#) (Посещение 14.11.18).
2. Далее мы чаще будет называть его «обновленным человеком» или «обновленным человеческим» в человеке.
3. *Локтионов М.В.* Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.:ИФРАН, 2018. 135 с. С. 124.
4. *Иглтон Т.* Теория литературы: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 28.
5. *Trepanier Lee.* Fathers and Sons: The Principle of Love in Turgenev's Liberalism // URL: [>>>>](#) (Посещение 14.10.18).
6. *Флоренский П.А.* Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: Мысль, 1994. С. 39.

7. *Ambrose Kathryn*. Turgenev's Representation of the 'New People'. P. 142.
 8. *Феодорит Курский*. История боголюбцев. М.: Паломник 1996. С. 139.
 9. *Kliger I*. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State. The Center for Slavic, Eurasian, and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Issue 1. P. 29. DOI 10.1215/00104124-4344056.
 10. *Безменщиков А.Е., Щербатова И.Ф.* Нигилизм в художественном осмыслении И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского // Полилог. Т.2. № 3. 2018. URL: [>>>>](#)
 11. *Безменщиков А.Е., Щербатова И.Ф.* Нигилизм в художественном осмыслении И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского // Полилог. Т.2. № 3. 2018. URL: [>>>>](#)
 12. *Кларк Катерина*. Петербург, горнило культурной революции. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 45.
 13. *Локтионов М.В.* Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.:ИФРАН, 2018. С. 14.
 14. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003. С. 4.
 15. *Мах Э.* Популярно-научные очерки. СПб: Образование, 1909. С. 152.
 16. *Мах Э.* Познание и заблуждение: очерки по психологии исследования. М.: Бином, 2003. с. 45-46.
 17. Там же. С. 42.
 18. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003. С. 28.
 19. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. С. 33.
 20. *Богданов А.* и др. Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. с. 46.
 21. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. С. 132.
 22. *Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К.* Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М. Политиздат. 1990. С. 11.
 23. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 184.
 24. Там же. С. 352.
 25. *Eden Paul; Cedar Paul*. Proletcult (proletarian culture). London, L. Parsons [1921] С. 95.
 26. Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 // URL: [>>>>](#) (Посещение 18.11.18).
 27. Там же.
 28. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983г. С. 306.
 29. Там же. С. 309.
 30. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. С. 421.
 31. *Sochor Zenovia*. Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy. Ithaca (N. Y.); London : Cornell univ. press, 1988. С. 213.
 32. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Книга 1 М.: Экономика, 1989. С. 152.
 33. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. С. 56.
 34. *Богданов А.А.* Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса М., 1920. С. 71.
 35. *Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К.* Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М. Политиздат. 1990. С. 20.
 36. *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука: тектология. Кн. II. М.;-Л., 1927. С. 144.
 37. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 2003. С.942.
-

References:

1. Ambrose Kathryn. Turgenevs Representation of the New People. In:
2. Turgenev: Art, Ideology and Legacy. (Studies in Slavic Literature and Poetics). Ed.
3. by Andrew, Joe; Reid, Robert. Vol.56. Rodopi: Amsterdam New York, 2010.
4. Eden Paul; Cedar Paul. Proletcult (proletarian culture). London, L. Parsons
5. [1921].
6. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenevs First Love: Russian Realism and
7. the Allegory of the State. The Center for Slavic, Eurasian, and East European
8. Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Issue 1. DOI 10.1215/00104124-
9. 4344056. Pp. 25-45.
10. Sochor Zenovia. Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy.
11. Ithaca (N. Y.); London : Cornell univ. press, 1988. 258 s.
12. Trepanier Lee. Fathers and Sons: The Principle of Love in Turgenevs
13. Liberalism // URL: [http://anamnesisjournal.com/fathers-and-sons-the-principle-of-](http://anamnesisjournal.com/fathers-and-sons-the-principle-of-love-in-turgenev/)
14. [love-in-turgenev/](http://anamnesisjournal.com/fathers-and-sons-the-principle-of-love-in-turgenev/).
15. Bezmenshchikov A.E., SHCHerbatoва I.F. Nigilizm v hudozhestvennom osmyslenii I.S. Turgeneva i F.M. Dostoevskogo // Polilog. T.2. 1 3. 2018. URL:
16. <https://polylog.jes.su/s258770110000055-2-1>.
17. Bogdanov A.A, Bazarov V.A., Lunacharskij A.V. i dr. Ocherki filosofii
18. kollektivizma. Sb. 1. SPb.: Tovarishchestvo «Znanie», .1909. 412 s.
19. Bogdanov A.A. Voprosy socializma: raboty raznyh let. M.: Politizdat. 1990.
20. 480 s.
21. Bogdanov A.A. Vseobshchaya organizacionnaya nauka: tektologiya. CHast' II. M.;-L.:

22. Kniga, 1927. 240 s.
23. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshchaya organizacionnaya nauka. Kniga 1 M.:
24. Ekonomika, 1989. 304 s.
25. Bogdanov A.A. EHlementy proletarskoj kul'tury v razvitii rabocheho klassa.
26. Lekcii, pročitannye v Moskovskom Proletkul'te vesnoj 1919 g. Vseros. sovet
27. Proletkul'ta. M.: Gos. izd-vo, 1920. 96 s.
28. Bogdanov A.A. EHmpiriomonizm. M.: Respublika, 2003. 400 s.
29. Gercen A.I. Byloe i dumy. M.: Zaharov, 2003. 976 s.
30. Gloveli G.D., Figurovskaya N.K. Tragediya kollektivista // Bogdanov A.A.
31. Voprosy socializma: raboty raznyh let. M.: Politizdat, 1990.
32. Iglton T. Teoriya literatury: Vvedenie / per. E. Buchkinoj pod red. M.
33. Mayackogo i D. Subbotina. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2010. (Seriya
34. «Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo). - 296 s.
35. Klark Katerina. Peterburg, gornilo kul'turnoj revolyucii. M.: Novoe
36. literaturnoe obozrenie, 2018. 484 s. (Seriya: Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas»).
37. Loktionov M.V. Aleksandr Bogdanov mezhdumarksiizmom i pozitivizmom. M.:IFRAN, 2018. 135 s.
38. Mah EH. Poznanie i zabluzhdenie: ocherki po psihologii issledovaniya. M.: Binom, Laboratoriya znaniy, 2003. 456 s.
39. Mah EH. Populyarno-nauchnye ocherki. SPb: Obrazovanie, 1909. 347 s.
40. Pisarev D.I. Bazarov. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0220.shtml
41. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah. Pis'ma v 18 tomah. Pis'ma 1862-1864. T. 5. M.: Nauka, 1988. 640 s.
42. Feodorit Kirskij. Istoriya bogolyubcev. M.: Palomnik 1996, 447 s.

43. Florenskij P.A. Sochineniya v chetyrekh tomah. Tom 1. M.: Mysl', 1994. 797 s.

44. Engels F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom. M.: Politizdat, 1983. 483 s.

Антропологические смыслы нигилизма – от модели И.С. Тургенева до «реальных нигилистов» А.А. Богданова и П.А. Флоренского

Безменщиков А. Е.

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Щербатова И. Ф.

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В данной статье нигилизм рассматривается с двух понятийно несоразмерных позиций: как негативное умонастроение, соотносимое с европейской историей, и как сущностный фактор, причастный появлению особого антропологического типа, называемого в работе «реальным нигилистом». Последний принципиально не сводим к феномену негативизма, он несет сложные экзистенциальные смыслы, в том числе и положительные. Первую отвлеченную его модель создал И.С. Тургенев в образе Базарова. На основании анализа эвристического потенциала этой модели, ее художественной судьбы и историко-философского значения предлагается реконструкция генезиса экзистенциальных конфликтов и аксиологической структуры антропологического и социального проектирования у воплощенных «реальных нигилистов» – А.А. Богданова и П.А. Флоренского. Авторы акцентируют внимание на сфокусированности проективных исследований данных мыслителей вокруг метафизического ядра европейской цивилизации – эмансипированной индивидуальности. Эта особенность представляется небезобидной в своих философско-гуманистических экспликациях и неслучайной для типа «реального нигилиста». Исходя из этих и других посылок, авторы приходят к заключению, что «реальный нигилист», получивший воплощение в эпоху катастроф, парадоксальным образом вступает в неизбежный конфликт с нигилизмом как умонастроением и нигилизмом как волей к власти любыми средствами. Аскетическое служение «реального нигилиста» истине задает как возможность амбивалентного отношения к гуманизму, так и роковую неотвратимость его гибели.

Ключевые слова: нигилизм, эмпириомонизм, марксизм, социальное проектирование, А.А. Богданов, И.С. Тургенев, П.А. Флоренский

Дата публикации: 31.12.2018

Ссылка для цитирования:

Безменщиков А. Е. , Щербатова И. Ф. Антропологические смыслы нигилизма – от модели И.С. Тургенева до «реальных нигилистов» А.А. Богданова и П.А. Флоренского // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000068-6-1/> (дата обращения: 18.06.2019).

User code: 0; Download date: 18.06.2019; URL - <http://polylog.jes.su/s258770110000068-6-1/> All right reserved.